

сохранился сословный подход к определению наказаний и санкций в соответствии с установленными привилегиями. Анализ указанных нормативных актов свидетельствует о том, что в них уже получили закрепление деяния, близкие по своему содержанию к преступлениям, предусмотренным ст. 430–432 действующего в настоящее время УК Республики Беларусь. Нормативные акты сыграли положительную роль в дальнейшем законодательном закреплении и нормативном совершенствовании данных правовых норм. Отдельные подходы к их становлению и конструированию (например, дифференциация ответственности взяточдателей в зависимости от конкретных обстоятельств дела, рассмотрение вымогательства взятки как самостоятельного преступления и выделение его в отдельную статью и др.) остаются актуальными и представляют интерес и в настоящее время.

1. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / под. общ. ред. О.И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1984–1994. Т. 1 : Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. 1984. 432 с.
2. Симанин, О.В. Исторические предпосылки возникновения коррупции в России и попытки борьбы с ней / О.В. Симанин // Следователь. 2012. № 3. С. 51–52.
3. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. Ростов н/Д : Феникс, 1995. 640 с.
4. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / под. общ. ред. О.И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1984–1994. Т. 2 : Законодательство периода образования и становления Русского централизованного государства / отв. ред. В.Л. Янин. 1985. 520 с.
5. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / под. общ. ред. О.И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1984–1994. Т. 3 : Акты Земских соборов / отв. ред. А.Г. Маньков. 1985. 512 с.
6. Михайлова, Н.В. Традиции и инновации в постижении истории государства и права / Н.В. Михайлова. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2013. 864 с.
7. Серов, Д. Противодействие взяточничеству в России: опыт Петра I (законодательные, правоприменительные и организационные аспекты) / Д. Серов // Уголов. право. 2004. № 4. С. 118–120.
8. Серов, Д. Должностные преступления при Петре I / Д. Серов // Законность. 2007. № 5. С. 58–60.
9. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / под. общ. ред. О.И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1984–1994. Т. 6 : Законодательство первой половины XIX века / отв. ред. О.И. Чистяков. 1988. 432 с.
10. Волженкин, Б.В. Служебные преступления / Б.В. Волженкин. М. : Юрист, 2000. 368 с.
11. Новое Уголовное Уложение: высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб. : Изд. В.П. Анисимова, 1903. 250 с.

Дата поступления в редакцию: 07.07.14

V.M. Veremeenko, Candidate of Juridical Sciences, Deputy Head of the Department of State Law and Criminal Law of Mogilev Institute of the MIA of the Republic of Belarus

HISTORY AND DEVELOPMENT OF THE CRIMINAL LAW AND RESPONSIBILITY FOR BRIBERY IN THE PRE-SOVIET PERIOD

The article deals with the historical background of the formation and development in the pre-Soviet period of the criminal legislation providing responsibility for bribery, analyzed the relevant legal acts of the time. The author concludes that the use of historical and legal method paved the way to the deeper understanding of the essence of bribery. Some proposals of interest to the present time were made.

Keywords: bribery, extortion, criminal responsibility for bribery.

УДК 343.9

Л.Л. Зубарева, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь, старший инспектор по особым поручениям Департамента обеспечения оперативно-розыскной деятельности МВД Республики Беларусь

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ НА ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПНОСТИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА В КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Описываются и анализируются особенности формирования понятийного аппарата преступности иностранцев и лиц без гражданства с момента возникновения криминологической науки, что позволяет сформулировать и уточнить основные понятия и определения, связанные с данным видом преступности, изучить особенности этого явления, установить взаимосвязь и отличия преступности, связан-

ной с иностранцами, от таких видов преступности, как международная, транснациональная, этническая и миграционная.

Ключевые слова: иностранные граждане, лица без гражданства, преступность иностранных граждан и лиц без гражданства, криминология.

Все изменения в жизни общества, в развитии мировоззренческих взглядов ученых и философов нашли отражение и в криминологической науке. Наиболее яркий представитель неоклассицизма в криминологии австрийский ученый Ф. фон Лист видел в миграционных процессах один из детерминирующих факторов преступности: «неограниченная свобода передвижения... оторвала тысячи людей от благотворного влияния семьи и родины и сконцентрировала их в больших городах, понемногу обратив их в ту атомизированную массу, которая называется пролетариатом, представляющим собою наиболее подготовленную для преступности почву» [1, с. 98]. При этом он не разграничивал иностранных мигрантов и мигрантов – граждан государства.

Основатель антропологического направления итальянский тюремный врач-психиатр Ч. Ломброзо, проанализировав статистические данные, сделал вывод о связи миграционных процессов и преступности: «Благодаря этой иммиграции плотность населения известных местностей во Франции значительно увеличивается, благодаря ежегодному приливу в нее 120 000 иностранцев, людей... легко вступающих на путь преступления... наибольший контингент убийц и воров дают именно приезжие» [2, с. 45–46]. Ученый отмечал факторы, влияющие на иностранную преступность: 1) образ жизни («среди иммигрирующих наблюдается тем более преступлений, чем менее они оседают» [2, с. 47]); 2) недостаточная информированность об условиях жизни («легко впадают вследствие этого в ошибки и мало-помалу доходят до преступления» [2, с. 47]). Ч. Ломброзо определил эмигранта как «особую человеческую разновидность с сильно выраженной склонностью к преступлениям, очень нуждающуюся, не знающую никакого стыда и легко ускользающую из рук правосудия» [2, с. 48]. Интересен его вывод об этническом влиянии на преступность, которое, как правило, не является положительным. Некоторые нации, по мнению ученого, совершают преступления: например, для евреев характерно мошенничество, коммерческое надувательство, кражи, для цыган – разбои, грабежи, сбыт фальшивых монет и др.

Согласно теории факторов в криминологии (основоположник А. Кетле) в перечень факторов преступности наряду с урбанизацией, индустриализацией, соревнованием в достижении комфорта, массовой фрустрацией, неудовлетворенностью сложившейся системой досуга входит и этнопсихологическая несовместимость людей [3, с. 15].

Теория конфликта культур, сформулированная в работах американского криминолога Т. Селлина, исходит из того, что различия в мировоззрении, привычках, стереотипах поведения, характерные для разных социальных групп (в том числе и национально-этнические сообщества), в которые одновременно входит один и тот же индивид, нередко создают для человека ситуацию нелегкого выбора, чреватую внутренним конфликтом и угрозой противоправного, преступного его разрешения [3, с. 15]. С.М. Иншаков практические выводы из этой теории видел в необходимости контролировать процессы иммиграции, в принятии мер по сближению культур различных слоев и групп, в устранении элементов, вызывающих их противоречие [4, с. 168–169].

Немецкий криминолог Г.Й. Шнайдер на примере рабочих-иммигрантов, совершающих преступления, раскрывает сущность ценностных конфликтов и выводит следующие аспекты для того, чтобы иностранцы могли остаться в принимающей стране навсегда: 1) культурное наследие иммигранта, могущее обеспечить процесс вживания в новое общество; 2) способность к адаптации и готовность к этому самого иммигранта и его семьи; 3) готовность общества принять иммигранта (решающий момент) [5, с. 292].

В концепции субкультур (американский социолог Л. Коэн) дана дифференциация социальных групп, рассматриваются специфические нравственно-культурные ценности таковых. Человек, как правило, руководствуется не общепринятыми ценностями и правилами поведения, а противостоящими им нормами субкультуры [3, с. 16]. Известный западногерманский криминолог Г. Кайзер ставит под сомнение усиленное криминологическое значение субкультурной концепции. Он подчеркивает постоянное существование большего внимания к «чужому человеку, чем к бедному... цыгану, чем бездомному» [6, с. 234]. Преступников «с зарубежным или

неустановленным гражданством» он в числе прочих относит к маргинальным группам общества, «ценностные ориентации которых не совпадают с господствующими нормами» [6, с. 238]. Г. Кайзер приводит уголовную статистику, в соответствии с которой гипотеза о культурном конфликте подтверждается не в общем (уровень преступности иностранцев не превышает уровень преступности немцев, более того, уголовное отягощение иностранцев меньше, чем немцев), а лишь по отдельным преступлениям и деликтам (преднамеренное убийство, нанесение телесных повреждений, изнасилование, аборт, азартная игра, браконьерство, определенные транспортные правонарушения) [6, с. 247]. Он указывает и на то, что большинство преступлений иностранцами совершается не в первой фазе их пребывания (несмотря на первоначальные трудности), а несколько позже, большинство же возможных культурных конфликтов решается явно по-другому, а не путем преступности [6, с. 250]. Г. Кайзер делает вывод, что речь идет не о конкурентной борьбе между альтернативными ценностями (культурном конфликте), а скорее о социально-психологической проблеме (неспособностью справиться социально приемлемым способом с ситуацией) [6, с. 254]. Вопросы миграции и влияния расы на преступность затрагивает в своих трудах и М.Н. Гернет. Анализируя положения уголовно-антропологической школы, он доказывает преобладающее значение социальных условий над расовыми. Кроме того, М.Н. Гернет рассматривает по данным вопросам выводы Колаяни: представители одной и той же расы одновременно могут являть различные психические и моральные характеры; одна и та же раса может сильно различаться в разные моменты; все расы имели и имеют одинаковые формы преступности [7, с. 14]. Дж.Ф. Шели говорит, что «...вопросы расовой принадлежности не следует считать сигналом... люди из какой расовой группы более склонны к правонарушениям», он видит вопрос в том, преступления какого типа совершают представители групп, лишенные привилегий [8, с. 219].

Распространенной является и цивилизационная тематика. Интересной является точка зрения о связи деструктивного поведения иностранных граждан и лиц без гражданства с пассионарной энергией. Л.Н. Гумилев рассматривает пассионарность как «характерологическую доминанту, необратимое внутренне стремление (осознанное или, чаще, неосознанное) к деятельности, направленной на существование какой-либо цели (часто иллюзорной)» [9, с. 71]. «Каждый этнос имеет свою собственную внутреннюю структуру и свой неоспоримый стереотип поведения», – пишет он [10, с. 90]. «Сила этнического стереотипа поведения огромна потому, что члены этноса воспринимают его как единственно достойный, а все прочие – как „дикость“» [10, с. 91]. Выдвигается предположение, что в основе поведения различных этносов лежит энергетическая составляющая их характера, определенные этнопсихологические особенности. Г. Лебон предполагает, что «психические организации, построенные по совершенно различным типам, не могут достигнуть полного слияния. <...> Различные расы не могут ни чувствовать, ни мыслить, ни поступать одинаковым образом, ни, следовательно, понимать друг друга» [11, с. 26]. Таким образом, ряд ученых считает, что «пассионарность» является в какой-то степени определяющей деструктивного поведения человека. Влияния этнической пассионарности могут быть различны: агрессия, корысть, властолюбие, ревность, религиозность, фанатичность и др. [12, с. 30].

По поводу социальных последствий контактов между современными друг другу цивилизациями А.Д. Тойнби высказывается следующим образом: «Изолированный блуждающий элемент, помещенный в чуждое ему социальное тело, начинает производить хаос, ибо он утратил свою первоначальную функцию и смысл, а также лишился привычных противовесов и связей» [13, с. 473]. Б.С. Ерасов о присутствии иностранцев высказывается следующим образом: «...эти инородные единицы не являются органичной частью цивилизации, и их групповая культура зачастую не согласуется с культурой основной общности» [14, с. 50]. С. Хатингтон в перемещениях населения видел положительные стороны: «Если демография – это судьба, то перемещения населения – это двигатель истории» [15, с. 308]. Более того, ученый указывает на то, что конец XX в. был ознаменован новой, еще большей волной миграции населения в целом во всем мире. Так, в 1990 г. количество легальных международных мигрантов составило 100 млн человек, беженцев – 19 млн, а нелегальных мигрантов – примерно на 10 млн больше [15, с. 308]. На что имеется целый ряд причин: 1) улучшения в сфере транспорта (сделали миграцию легче); 2) экономический рост незападных обществ (стимулировал эмиграцию); 3) усовершенствование в области коммуникаций (стимул использовать экономические возможности и усиле-

ние связи между мигрантами и семьями из их родных стран). Относительно взаимоотношений представителей различных цивилизаций автор занимает позицию, что «отношения между группами из различных цивилизаций никогда не станут близкими, обычно они остаются прохладными и зачастую враждебными» [15, с. 322].

И.Л. Хромов предлагает для дальнейшего понимания роли цивилизаций в иностранной преступности исходить из понимания цивилизации как единой системы, состоящей из различных подсистем (в том числе и криминологической), каждая из которых оказывает влияние на состояние преступности в целом [12, с. 31]. Соответственно ученый предлагает рассматривать иностранную преступность под углом борьбы цивилизаций: исламской, иудейской, православной и западно-католической [12, с. 33], сам же факт присутствия иностранной преступности – как экспансию транснациональной организованной преступности.

Этнопсихологическая школа (А. Кардинер, М. Мид, Р. Бенедикт) предпринимает попытки доказать, что на преступное поведение индивидов-этносов влияют этнопсихологические особенности нации, которые определяются комплексом психологических черт национального характера, т. е. рассматривает взаимосвязь этнопсихологических особенностей разных народов с теми или иными противоправными проявлениями, выявляет их склонность к насилию, кражам, убийствам и др. Американский криминолог и известный специалист по вопросам расологии Дж.Ф. Раштон дает следующую оценку: «число насильственных преступлений на 100 000 населения составляет 35 для монголоидов, 42 для европеоидов и 149 для негроидов», объясняя это характерными особенностями, присущими разным расам [16, с. 34]. Некоторые народы исходя из исторически сложившихся условий проживания постоянно выращивают, употребляют и торгуют растительными наркотиками, и склонность представителей этих народов к действиям с наркотиками зафиксирована на уровне стереотипа поведения. Этнопсихологическая теория доказывает так называемый этнический стереотип поведения, определяющий психологические особенности представителей различных этносов и регулирующий их поведенческие модели.

Особое место и значение при проведении исследования занимают теоретические разработки ученых Э.А. Аметистова, Ю.А. Архипова, С. А. Авакьяна, Г.А. Василевича, М.М. Бабаева, Л.Н. Галенской, А.А. Рубанова, М.М. Богуславского, В.В. Бойцова, С.В. Ванюшкина, Р.М. Валеева, О.Д. Воробьевой, Н.А. Ворониной, Г.М. Геворгияна, В.И. Гладких, В.В. Глазырина, Н.А. Горюновой, К.К. Горяинова, А.И. Долговой, И.И. Карпеца, И.И. Кима, Л.В. Кондратюка, М.В. Королевой, А.Н. Сандугея, А.М. Тесленко, С.А. Харитоновна, И.Л. Хромова, В.Ф. Цепелева, А.Б. Чернова, Н.В. Валушко и др. Вместе с тем, несмотря на неопределимое методологическое и понятийное значение работ исследователей этой проблемы, единого подхода к определению ключевых понятий не выработано, по некоторым вопросам сформировались полярные мнения. Ряд авторов рассматривают данную проблематику в какой-то одной плоскости или под определенным углом. Например, Н.А. Горюнова посвятила кандидатскую диссертацию криминологической характеристике и профилактике преступлений, связанных с иностранными учащимися, В.Ф. Цепелев рассматривает уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с преступлениями, совершаемыми иностранными гражданами на территории СССР, М.М. Бабаев и М.В. Королева приводят криминологическую характеристику столичного города, описывают виды мигрантов (эпизодические, временные) и миграции (сезонная, маятниковая), дают криминологический анализ преступности приезжих.

Одним из дискуссионных вопросов стало определение самого понятия преступности иностранных граждан и лиц без гражданства, вопросы соотношения иностранной преступности с этнической, транснациональной и международной преступностью, выделение виктимологического аспекта иностранной преступности, соотношение понятий преступности иностранцев и преступности мигрантов и пр. Современная криминология считает, что иностранная преступность – это «преступления, совершенные иностранными гражданами на территории России» [17, с. 590]. Однако, по мнению И.Л. Хромова, и мы склонны с ним согласиться, «такое определение значительно сужает саму проблему» [12, с. 26]. В.Ф. Цепелев содержание преступности иностранных граждан и лиц без гражданства определяет «как преступления, совершаемые иностранцами, так и в отношении этих лиц» [18, с. 123]. А.И. Долгова, определяя системный характер преступности иностранцев, также выделяет преступления, совершаемые в отношении иностранцев: «Системный характер преступности среди иностранцев выражается в том, что она

вбирает в себя два принципиальных элемента: преступления иностранцев и преступления, совершаемые в отношении иностранцев» [19, с. 76]. К.И. Богомолова, С.А. Харитонов также выделяют виктимологический аспект в иностранной преступности. К.И. Богомолова преступность, связанную с иностранцами, рассматривает в трех аспектах: криминологическом, правовом и виктимологическом. И.Л. Хромов, формулируя понятие преступности иностранных граждан, не выделяет виктимологический аспект, а предлагает рассматривать иностранную преступность как «сложное системно-структурное явление, находящееся в органическом единстве с международной преступностью и ее различении видами, куда она входит в качестве составной части» [12, с. 27]. К.И. Богомолова же считает, что преступность иностранцев характеризуется совершением иностранными гражданами и лицами без гражданства и в отношении их преступлений общеуголовного характера, которые, как правило, не связаны с международной, транснациональной преступностью (исключение составляют некоторые преступления, связанные, например, с незаконным оборотом наркотиков и оружия) и не выходят за пределы границ России [20, с. 13]. Нельзя не признать влияния международных факторов, зависящих от уровня транснациональной преступности. В тоже время, как на наш взгляд справедливо отмечает К.И. Богомолова, «необходимо разграничивать преступность иностранцев и лиц без гражданства с транснациональной преступностью, международной преступностью и этнической преступностью» [20, с. 24]. Она формулирует определение преступности, связанной с иностранцами, как «самостоятельный, специфический вид преступности, складывающийся из совокупности уголовно наказуемых деяний, совершенных на территории Российской Федерации за определенный промежуток времени иностранцами и в отношении их, характеризующийся своими количественно-качественными показателями и криминологическими особенностями» [20, с. 37].

Следует отметить, что, во-первых, транснациональные преступления совершаются как иностранными гражданами, так и гражданами страны проживания, таким образом, они различны по субъекту. Во-вторых, к международным преступлениям относятся преступления против мира и безопасности человечества, представляющие повышенную опасность для человечества, в то время как преступления, совершаемые иностранцами и лицами без гражданства, включают в основном общеуголовные преступления (убийства, кражи, грабежи, хулиганство и т. д.), не связанные с организованной преступностью и не выходящие за границы государства, что также отличает преступность иностранцев от транснациональной и международной преступности (по объекту). В-третьих, не совсем верно, на наш взгляд, рассматривать преступность иностранцев и лиц без гражданства как преступность мигрантов, так как мигрантами могут являться и граждане государства. Как справедливо отмечает К.И. Богомолова, «преступность иностранцев является разновидностью преступности мигрантов, так как именно миграция как детерминирующий фактор лежит в основе определения социально-демографического статуса иностранцев» [20, с. 29].

Таким образом, рассматриваемые теоретико-правовые аспекты преступности иностранных граждан и лиц без гражданства позволяют сделать следующие выводы:

эволюция теоретических взглядов на проблему преступности иностранцев и лиц без гражданства происходила под воздействием объективно-субъективных факторов, которые противоречиво воздействовали на процесс формирования понятийного аппарата, что нашло отражение в различных криминологических теориях и взглядах отдельных ученых, свидетельствующих о неоднозначном отношении к присутствию иностранных граждан и лиц без гражданства на территории государств, степени воздействия иностранной преступности на преступность в целом, их взаимосвязи;

криминологическая наука постоянно держала в поле зрения вопросы, относящиеся к совершению преступлений иностранцами и лицами без гражданства. На первоначальном этапе акцент делался на изучении биоантропологических качеств и свойств личности. Дальнейшее развитие теоретических концепций о преступности иностранцев было связано с конкретными условиями жизни общества;

вследствие обращения ко многим междисциплинарным изысканиям (социобиологии, биополитики, этнопсихологии, теории межкультурного общения и др.) можно сделать вывод о влиянии на преступность иностранных граждан и лиц без гражданства таких явлений, как этническая пассионарность, сила этнического стереотипа, этнопсихологические особенности нации, конфликт культур и др.;

иностранная преступность, будучи связанной с миграционными процессами, с международной и транснациональной преступностью, имеет отличительные черты, детерминирующие факторы и структуру, ее следует отличать от указанных видов преступности (по субъекту);

этническая преступность и преступность иностранных граждан – два разных понятия, каждое из которых имеет свою группу детерминирующих факторов.

1. Лист, Ф. фон Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / Ф. фон Лист ; сост. и предисл. В.С. Овчинского. М. : Инфра-М, 2010. 103 с.
2. Ломброзо, Ч. Преступление. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты : пер. с итал. / Ч. Ломброзо ; предисл. В.С. Овчинского. М. : Инфра-М, 2004. 313 с.
3. Алексеев, А.И. Криминология : курс лекций / А.И. Алексеев. 4-е изд., испр. и доп. М. : Щит-М, 2004. 314 с.
4. Иншаков, С.М. Зарубежная криминология = Foreign criminology : учеб. пособие для юрид. вузов / С.М. Иншаков. 2-е изд. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2003. 374 с.
5. Шнайдер, Г.Й. Криминология / Г.Й. Шнайдер ; пер. с нем. Ю.А. Неподаева ; под ред. и с предисл. Л.О. Иванова. М. : Прогресс : Универс, 1994. 502 с.
6. Кайзер, Г. Криминология: введение в основы : пер. с нем. / Г. Кайзер ; предисл. К.Ф. Скворцова. М. : Юрид. лит., 1979. 319 с.
7. Гернет, М.Н. Социальные факторы преступности / М.Н. Гернет. М. : Унив. тип., 1905. 203 с. (Ученые зап. Император. Моск. ун-та. Юрид. фак. Вып. 27).
8. Криминология : учеб. пособие / под ред. Д.Ф. Шели ; пер. с англ. И. Малкова [и др.]. 3-е междунар. изд. М. : Питер, 2003. 860 с.
9. Гумилев, Л.Н. Сочинения. Конец и вновь начало / Л.Н. Гумилев ; сост. и общ. ред. А.И. Курочки. М. : ДИ-ДИК, 1997. 539 с.
10. Гумилев, Л. Этногенез и биосфера Земли / Л. Гумилев. М. : АСТ, 2005. 556 с.
11. Лебон, Г. Психология народов и масс : пер. с фр. / Г. Лебон. М. : Акад. проект, 2012. 239 с.
12. Хромов, И.Л. Преступность иностранных граждан: оперативно-розыскная деятельность и криминологический анализ / И.Л. Хромов. М. : Юриспруденция, 2010. 255 с.
13. Тойнби, А.Д. Постигание истории : сборник / А.Д. Тойнби ; пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М. : Прогресс : Культура, 1996. 607 с.
14. Сравнительное изучение цивилизаций : хрестоматия / сост. Б.С. Ерасов. М. : Аспект Пресс, 1998. 555 с.
15. Хаттингтон, С. Столкновение цивилизаций : пер. с англ. / С. Хантингтон ; послесл. С. Переслегина. М. : АСТ ; СПб. : Terra fantastica, 2003. 603 с.
16. Раштон, Дж.Ф. Раса, эволюция и поведение: взгляд с позиции жизненного цикла / Дж.Ф. Раштон. М. : Профит Стайл, 2011. 415 с.
17. Российская криминологическая энциклопедия: преступность и борьба с ней в понятиях и комментариях / Рос. криминол. ассоц. ; под общ. ред. А.И. Долговой. М. : Норма : Инфра-М, 2000. 802 с.
18. Цепелев, В.Ф. Уголовно-правовые, криминологические и организационные аспекты международного сотрудничества в борьбе с преступностью : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В.Ф. Цепелев. М., 2001. 418 л.
19. Криминология : учеб. для юрид. вузов / А.И. Алексеев [и др.] ; под общ. ред. А.И. Долговой. М. : ИНФРА-М : НОРМА, 1997. 779 с.
20. Богомолова, К.И. Преступность, связанная с иностранцами : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / К.И. Богомолова. Саратов, 2011. 220 л.

Дата поступления в редакцию: 26.06.14

L.L. Zubareva, *Advanced student of the Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

THE THEORETICAL VIEWS ON THE CONCEPT OF THE CRIME OF FOREIGN CITIZEN AND STATELESS PERSONS IN CRIMINOLOGICAL SCIENCE

The article describes and analyzes the peculiarities of the formation of the conceptual apparatus of criminality of foreigners and stateless persons from the moment of occurrence of criminological science that allows us to formulate and clarify basic concepts and definitions associated with this type of crime, to study the peculiarities of this phenomenon, to install the relationship and differences related crime by foreigners, from such crimes as international, transnational, ethnic and migration.

Keywords: foreign citizen, persons without citizenship, crime of foreign citizen and stateless persons, criminology.